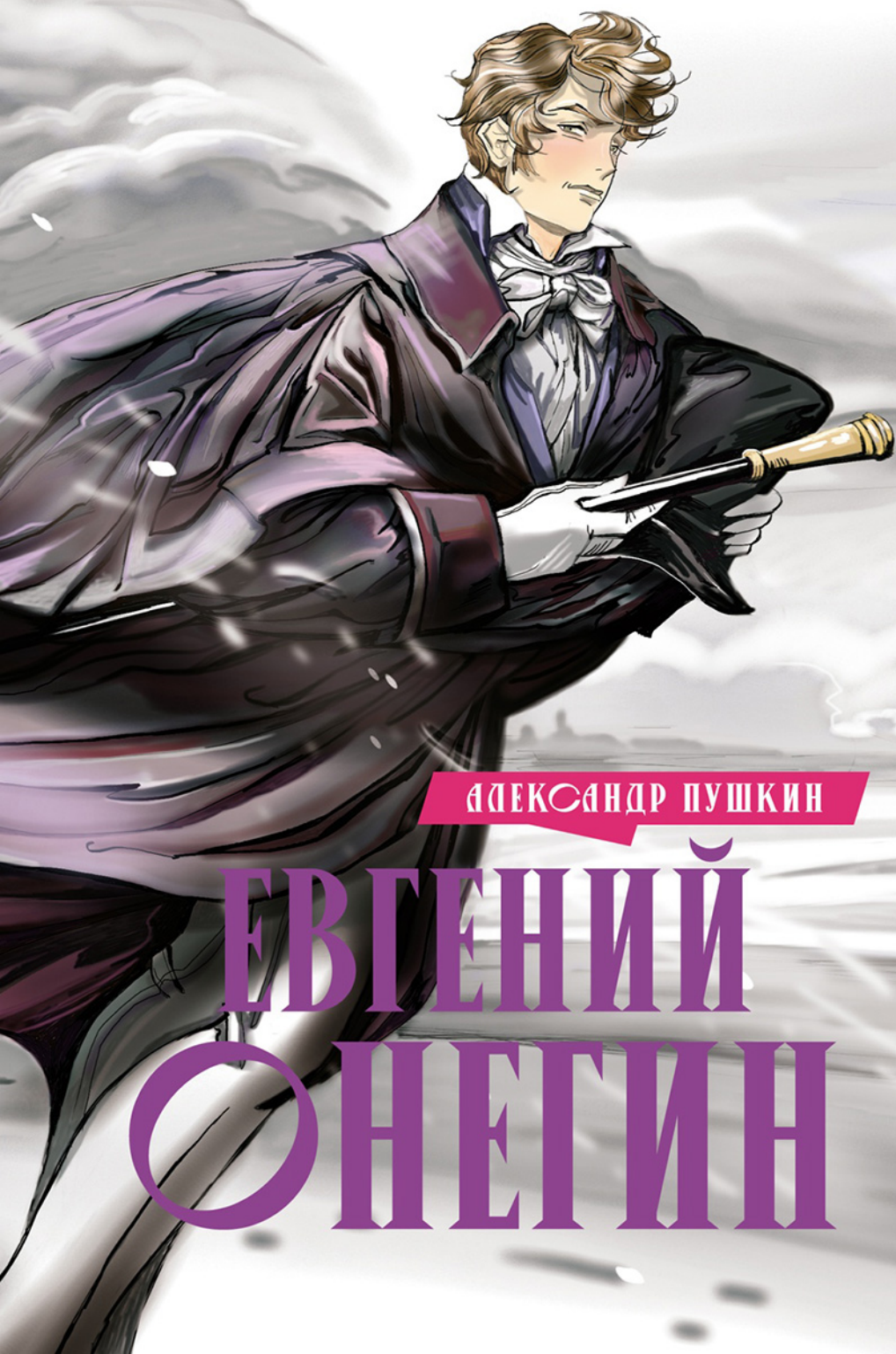

ВЕЧНАЯ КЛАССИКА В СТИЛЕ МАНГИ

АЛЕКСАНДР ПУШКИН

ЕВГЕНИЙ
ОНЕГИН

ВЕЧНАЯ КЛАССИКА В СТИЛЕ МАНГИ

АЛЕКСАНДР ПУШКИН

ЕВГЕНИЙ
ОНЕГИН

РОМАН В СТИХАХ

Москва
«Махаон»

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)1-5
П91

Вступительная статья и комментарии

Ольги Саленко

Иллюстрации на суперобложке, обложке и форзацах

Елены Белоусовой

Саленко Ольга Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, работает на кафедре русской классической литературы и славистики Литературного института имени А. М. Горького. Преподает русскую литературу XVIII–XIX веков, историю славянских литератур, читает спецкурс по поэзии.

Пушкин А. С.

П91 Евгений Онегин : роман в стихах / Александр Сергеевич Пушкин ; вступ. ст. О. Саленко ; худож. Е. Белоусова. – М. : Махаон, Азбука-Аттикус, 2024. – 240 с. : ил. – (Вечная классика в стиле манги).

ISBN 978-5-389-24390-3

«Евгений Онегин» – первый русский роман в стихах, литературный критик В. Г. Белинский назвал его «энциклопедией русской жизни». В этой книге вы найдете не только полный текст произведения, но и вступительную статью, комментарии преподавателя Литературного института имени А. М. Горького, которые помогут вам подготовиться к экзаменам. Издание содержит QR-код, ведущий к аудиокнижке: благодаря ей вы погрузитесь в удивительную атмосферу романтики того времени.

УДК 821.161.1-1

ББК 84(2Рос=Рус)1-5

ISBN 978-5-389-24390-3

© Белоусова Е. Н., иллюстрации, 2024
© Оформление, вступительная статья,
комментарии. ООО «Издательская Группа
«Азбука-Аттикус», 2024
Machaon®

«Евгений Онегин»
Александра Сергеевича Пушкина

В школьной программе по литературе нет проходных имен, все писатели и поэты – яркие таланты, трудами которых возведено величественное и прекрасное здание Русской Классической Литературы в ее национальной и всемирной значимости. Однако фигура А. С. Пушкина занимает в этой плеяде совершенно особое место: «Солнце русской поэзии», «Пушкин – наше всё» (Ап. Григорьев), «Первая заслуга великого поэта в том, что через него умнеет все, что может поумнеть» (А. Островский), «...не было бы Пушкина, не было бы и последовавших за ним талантов» (Ф. Достоевский), «Веселое имя: Пушкин» (А. Блок), «Пушкин – чудо России» (Н. Тэффи), «...у каждого из нас – свой Пушкин, остающийся одним для всех» (А. Твардовский)... – вот только незначительное число отзывов о поэте.

Для разного возраста – тоже свой Пушкин. В детстве – сказки: «Ветер по морю гуляет и кораблик подгоняет...» («Сказка о царе Салтане»), в младшей школе – чудные стихи («Мороз и солнце; день чудесный!..» («Зимнее утро»)), а затем и знакомство с прозой: «Повести Белкина», историческая повесть о чести и любви «Капитанская дочка». И наконец, самое известное и самое интересное в литературном плане произведение

Александра Сергеевича Пушкина «Евгений Онегин» – роман в стихах, первый в истории русской литературы.

Роман – в традиции литературы пушкинского времени подразумевал рассказ о взрослении вымышленного заглавного героя, его испытаниях и скитаниях, с непрерывным любовным сюжетом – и все это рассказанное на широком полотне реальных бытовых и исторических деталей повседневной жизни того времени. Вот особенности такого повествования в прозе. Но! В нашем случае роман – в стихах, как определил сам автор: «Я теперь пишу не роман, а роман в стихах – дьявольская разница». Текст, написанный «онегинской строфой», с жестко заданной последовательностью рифм, сжатый в «столбик» из 14 строк, казалось, должен затруднить повествование, но произошло обратное. Поэтическая форма изложения дала автору возможность пренебречь логической выстроенностью и полнотой рассказа, в стихах яркий поэтический образ способен заместить целое развернутое описание, что-то можно не договорить, на другое лишь намекнуть. Так поэтическая форма «в столбик» оказывается более свободной.

И еще одна важная черта поэтического произведения – лирическое начало, постоянное присутствие личности рассказчика в повествовании. В романах в стихах того времени (Вальтера Скотта, Джорджа Байрона) были приняты так называемые «лирические отступления» от сюжета. Рассказчик начинал говорить читателю от первого лица о вещах интересных или важных ему, передавая читателю свои субъективные оценки, эмоции и переживания. Кажется, что автор говорит с читателем напрямую, но это литературная условность. За автора в романе говорит его маска – рассказчик, «добрый приятель» самого героя. Он близок к автору, но все-таки не равен ему.

Так вот эти постоянные отступления от сюжета романа (о литературе, о судьбе поэта, высказывания на обще-

ственную тему, житейские наблюдения и иронические замечания) складываются в своеобразный сюжет, который следует параллельно истории Евгения и Татьяны, автор таким образом расширяет художественное пространство романа, добавляет реалистичности, оживляет повествование, не давая ему быть монотонным.

Сюжет «Онегина» прост. Внимание, сейчас будет спойлер! Молодой человек, приехавший из столицы, возбуждает любовь у провинциальной барышни, отказывает ей, убивает на дуэли друга, уезжает, а когда возвращается в столицу, сам влюбляется в ту самую барышню, ставшую светской замужней дамой, которая, в свою очередь, отказывает ему в притязаниях на любовь. Кстати, некоторые известные читатели «Онегина» небезосновательно считали именно Татьяну, способную на глубокое чувство и в финале демонстрирующую твердую нравственную позицию, главной героиней романа.

Татьяна нарисована автором как цельный характер, она глубоко чувствует, искренна в своем чувстве, способна анализировать происходящее. Она любит Онегина, страдает из-за невозможности быть с ним, но не может нарушить святость брака. Сравните с финалом «Дубровского». Когда разбойники освобождают Машу, она отказывается покинуть князя: «Вы свободны», — продолжал Дубровский, обращаясь к бледной княгине. «Нет, — отвечала она. — Поздно — я обвенчана, я жена князя Верейского». И в «Онегине», и в «Дубровском» автор в финале повествования символично называет своих героинь по титулу мужа — княгиня.

В романе показано, насколько Пушкин сильнее любил Москву, чем Петербург. В частности потому, что в Петербурге заседали цензоры, он был полон людей аристократических и чванливых. А Москва была «хлебосольной тетушкой», родным местом. Поэтому Москве и посвящены многие места в «Онегине».

«Евгений Онегин» – психологический роман, в котором характеры героев раскрываются в сюжете. Пушкин гордился тем, что время в произведении изображено максимально реалистично: «В нашем романе время расчислено по календарю». А описание реалий 1-й трети XIX века заслужило следующую характеристику публициста В. Г. Белинского: «энциклопедия русской жизни». Пушкин создает новую поэтику в реалистическом ключе, преодолевая условности поэтики романтизма. «Евгений Онегин» открывает дорогу русскому роману XIX века («Герою нашего времени», романам Тургенева, Гончарова, Достоевского, Толстого). Его герои становятся образцами для изображения любовного конфликта.

Работа над таким изящным творением потребовала по скрупулезным подсчетам самого автора «7 лет 4 месяца 17 дней». Роман был начат 9 мая 1823 года в Кишиневе и окончен 25 сентября 1830 года в Болдине. Однако А. С. Пушкин еще дорабатывал и перерабатывал роман: так, позднее было дописано письмо Онегина Татьяне, что придало композиции зеркальный вид, также были убраны подробные описания путешествий Онегина и по цензурным соображениям сожжена десятая глава.

Автор печатал главы-«песни» отдельными выпусками по мере написания. Представьте, публике приходилось ждать продолжения истории иногда год, а иногда и дольше, правда, отдельные отрывки, не дававшие забыть об Онегине, публиковались в журналах, но, конечно, публике хотелось прочитать роман в одной книжке. Такое полное издание состоялось в 1833 году и имело большой успех, такое же полное издание вы держите в руках сейчас.

Ольга Саленко

Об Онегине

1. В. Г. Белинский: «Онегин – добрый малый, но при этом недюжинный человек. Он не годится в гении, не лезет в великие люди, но бездеятельность и пошлость жизни душат его; он даже не знает, чего ему надо, чего ему хочется; но он знает и очень хорошо знает, что ему не надо, что ему не хочется того, чем так довольна, так счастлива самолюбивая посредственность».

2. Д. И. Писарев: «Отношения Онегина к различным удовольствиям светской дани похожи, как две капли воды, на ваши отношения пудингу. Онегин всем объелся, и его от всего тошнит. Если не всех светских людей тошнит так, как Онегина, то это происходит единственно оттого, что не всем удается объесться. Как специалист в “науке страсти нежной”, Онегин, разумеется, стоит выше многих своих сверстников. Он красив собою, ловок, *il a la langue bien pendue* (букв. с фр. – красноречив), как говорят французы, и в этих особенностях его личности заключается вся тайна его разочарованности и его многого превосходства над презренной толпой. Другие светские люди, ведущие вместе с Онегиным пустую и веселую жизнь, совсем не одерживают побед над светскими женщинами или одерживают этих побед очень немного, так что не успевают притупить своего чувства с этой стороны. “Наука страсти нежной” продолжает быть для них привлекательной, потому что

они встречаются в ней серьезные трудности, которые они желают и надеются преодолеть. Для Онегина эти трудности не существуют; он наслаждается тем, к чему другие только стремятся, и вследствие умеренного наслаждения он притупляет в себе вкус и влечение ко всему, что составляет содержание светской жизни».

3. А. А. Бестужев: «Поговорим об “Онегине”... <...> Я вижу франта, который душой и телом предан моде; я вижу человека, которых тысячи встречаю наяву, ибо самая холодность, и мизантропия, и странность теперь в числе туалетных приборов. Конечно, многие картины прелестны; но они неполны, ты схватил петербургский свет, но не проник в него. <...> Не думай, однако ж, что мне не нравится твой “Онегин”, напротив. Вся его мечтательная часть прелестна, но в этой части я не вижу уже Онегина, а только тебя. Не отсоветываю даже писать в этом роде, ибо он должен нравиться массе публики... Впрочем, мое мнение не аксиома; но я невольно отдаю преимущество тому, что колеблет душу, что ее возвышает, что трогает русское сердце; а мало таких предметов, и они ждут тебя!.. Я, напротив, скажу, что, кроме поэм, тебе ничего писать не должно».

Pétri de vanité il avait encore plus de cette espèce d'orgueil qui fait avouer avec la même indifférence les bonnes comme les mauvaises actions, suite d'un sentiment de supériorité, peut-être imaginaire.

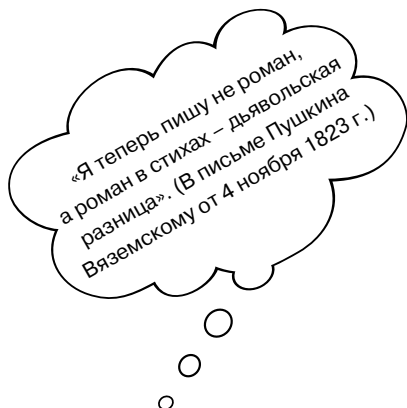
*Tiré d'une lettre particulière**

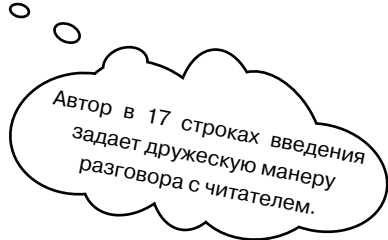
* Проникнутый тщеславием, он обладал сверх того еще особенной гордостью, которая побуждает признаваться с одинаковым равнодушием в своих как добрых, так и дурных поступках, – следствие чувства превосходства, быть может мнимого. *Из частного письма (фр.).*

Еще не представив читателю, не описав Евгения Онегина, автор в эпиграфе ко всему роману уже задает определенную точку зрения на своего героя. Поэт сам сочинил эти строки, представив их как цитату, взятую из некоего частного письма. Как эпиграф характеризует заглавного героя? Положительная ли, на ваш взгляд, эта характеристика?

Не мысля гордый свет забавить,
Вниманье дружбы возлюбя,
Хотел бы я тебе представить
Залог достойнее тебя,
Достойнее души прекрасной,
Святой исполненной мечты,
Поэзии живой и ясной,
Высоких дум и простоты;
Но так и быть – рукой пристрастной
Прими собранье пестрых глав,
Полусмешных, полупечальных,
Простонародных, идеальных,
Небрежный плод моих забав,
Бессонниц, легких вдохновений,
Незрелых и увядших лет,
Ума холодных наблюдений
И сердца горестных замет.

Глава первая

И жить торопится и чувствовать спешит.

Кн. Вяземский

I

«Мой дядя самых честных правил,
Когда не в шутку занемог,
Он уважать себя заставил
И лучше выдумать не мог.
Его пример другим наука;
Но, боже мой, какая скука
С больным сидеть и день и ночь,
Не отходя ни шагу прочь!
Какое низкое коварство
Полуживого забавлять,
Ему подушки поправлять,
Печально подносить лекарство,
Вздыхать и думать про себя:
Когда же черт возьмет тебя!»

Пушкин использовал здесь реминисценцию строки «осел был самых честных правил» из басни Крылова «Осел и мужик».

Во времена Пушкина фраза «и уважать себя заставил» означала, что человек умер.

Онегинская строфа состоит из 14 стихов (строк) 4-стопного ямба, в ней представлено особое чередование мужских и женских рифм, специально создана Пушкиным для романа.

II

Так думал молодой повеса,
Летя в пыли на почтовых,
Всевышней волею Зевеса
Наследник всех своих родных.
Друзья Людмилы и Руслана!
С героем моего романа
Без предисловий, сей же час
Позвольте познакомить вас:
Онегин, добрый мой приятель,
Родился на берегах Невы,
Где, может быть, родились вы
Или блистали, мой читатель;
Там некогда гулял и я:
Но вреден север для меня¹⁾.

III

Служив отлично-благородно,
Долгами жил его отец,
Давал три бала ежегодно
И промотался наконец.

Имя Евгений с греческого означает «благородно рожденный». Несмотря на то что большинство героев романа дворяне, Евгений поставлен автором в особое положение. Фамилию Онегин автор дает своему герою либо по северной реке Онеге, либо по Онежскому озеру, именовавшемуся в древнерусских памятниках Онего. У Онегина нет отчества, автор часто именует героя по фамилии как приятеля, как равного себе. Также по фамилии обращаются Онегин и Ленский друг к другу.

Судьба Евгения хранила:
Сперва *Madame* за ним ходила,
Потом *Monsieur* ее сменил.
Ребенок был резов, но мил.
Monsieur l'Abbé, француз убогой,
Чтоб не измучилось дитя,
Учил его всему шутя,
Не докучал моралью строгой,
Слегка за шалости бранил
И в Летний сад гулять водил.

IV

Когда же юности мятежной
Пришла Евгению пора,
Пора надежд и грусти нежной,
Monsieur прогнали со двора.
Вот мой Онегин на свободе;
Острижен по последней моде,
Как *dandy*²⁾ лондонский одет –
И наконец увидел свет.
Он по-французски совершенно
Мог изъясняться и писал;
Легко мазурку танцевал
И кланялся непринужденно;
Чего ж вам больше? Свет решил,
Что он умен и очень мил.

Внешность Онегина.

Образование Онегина.

V

Мы все учились понемногу
Чему-нибудь и как-нибудь,
Так воспитаньем, слава богу,
У нас немудрено блеснуть.

Онегин был, по мненью многих
(Судей решительных и строгих),
Ученый малый, но педант,
Имел он счастливый талант
Без принужденья в разговоре
Коснуться до всего слегка,
С ученым видом знатока
Хранить молчанье в важном споре
И возбуждать улыбку дам
Огнем нежданных эпиграмм.

VI

Латынь из моды вышла ныне:
Так, если правду вам сказать,
Он знал довольно по-латыне,
Чтоб эпиграфы разбирать,
Потолковать об Ювенале,
В конце письма поставить *vale**,
Да помнил, хоть не без греха,
Из Энеиды два стиха.
Он рыться не имел охоты
В хронологической пыли
Бытописания земли;
Но дней минувших анекдоты
От Ромула до наших дней
Хранил он в памяти своей.

VII

Высокой страсти не имея
Для звуков жизни не щадить,
Не мог он ямба от хорея,
Как мы ни бились, отличить.

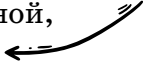
* Будь здоров (*лат.*).

Бранил Гомера, Феокрита;
Зато читал Адама Смита
И был глубокий эконом,
То есть умел судить о том,
Как государство богатеет,
И чем живет, и почему
Не нужно золота ему,
Когда *простой продукт* имеет.
Отец понять его не мог
И земли отдавал в залог.

VIII

Всего, что знал еще Евгений,
Пересказать мне недосуг;
Но в чем он истинный был гений,
Что знал он тверже всех наук,
Что было для него измлада
И труд, и мука, и отрада,
Что занимало целый день
Его тоскующую лень, —
Была наука страсти нежной,
Которую воспел Назон,
За что страдальцем кончил он
Свой век блестящий и мятежный
В Молдавии, в глуши степей,
Вдали Италии своей.

Овидий Назон —
древнеримский поэт.

IX

.....
.....
.....

Х

Как рано мог он лицемерить,
Таить надежду, ревновать,
Разуверять, заставить верить,
Казаться мрачным, изнывать,
Являться гордым и послушным,
Внимательным иль равнодушным!
Как томно был он молчалив,
Как пламенно красноречив,
В сердечных письмах как небрежен!
Одним дыша, одно любя,
Как он умел забыть себя!
Как взор его был быстр и нежен,
Стыдлив и дерзок, а порой
Блистал послушною слезой!

ХІ

Как он умел казаться новым,
Шутя невинность изумлять,
Пугать отчаяньем готовым,
Приятной лестью забавлять,
Ловить минуту умиленья,
Невинных лет предубежденья
Умом и страстью побеждать,
Невольной ласки ожидать,
Молить и требовать признанья,
Подслушать сердца первый звук,
Преследовать любовь, и вдруг
Добиться тайного свиданья...
И после ей наедине
Давать уроки в тишине!

XII

Как рано мог уж он тревожить
Сердца кокеток записных!
Когда ж хотелось уничтожить
Ему соперников своих,
Как он язвительно злословил!
Какие сети им готовил!
Но вы, блаженные мужья,
С ним оставались вы друзья:
Его ласкал супруг лукавый,
Фобласа давний ученик,
И недоверчивый старик,
И рогоносец величавый,
Всегда довольный сам собой,
Своим обедом и женой.

XIII. XIV

.....
.....
.....

XV

Бывало, он еще в постеле:
К нему записочки несут.

Строфы IX, XIII и XIV выпущены, текста нет, но номера строф и отточия остались для фиксации пропуска. Это сделано автором сознательно. Такой композиционный прием использовали романтики (например, Байрон) для создания эффекта недосказанности, таинственности. При помощи пропуска строф Пушкин руководит нашим чтением романа, замедляя темп рассказа.

Что? Приглашенья? В самом деле,
Три дома на вечер зовут:
Там будет бал, там детский праздник.
Куда ж поскачет мой проказник?
С кого начнет он? Все равно:
Везде поспеть немудрено.
Покамест в утреннем уборе,
Надев широкий *боливар*³⁾,
Онегин едет на бульвар
И там гуляет на просторе,
Пока недремлющий брежет
Не прозвонит ему обед.

Во времена Пушкина
бульваром называли Невский
проспект – место прогулок
петербуржцев.

XVI

Уж тёмно: в санки он садится.
«Пади, пади!» – раздался крик;
Морозной пылью серебрится
Его бобровый воротник.
К *Talon*⁴⁾ помчался: он уверен,
Что там уж ждет его Каверин.
Вошел – и пробка в потолок,
Вина кометы брызнул ток,
Пред ним *roast-beef* окровавленный,
И трюфли, роскошь юных лет,
Французской кухни лучший цвет,
И Стразбурга пирог нетленный
Меж сыром лимбургским живым
И ананасом золотым.

Пушкин передает яркий
образ богатого стола
с заграничными деликатесами
того времени.

«Стразбурга пирог нетленный» – изысканный паштет: редкий случай удачного сохранения блюда, запеченного в тесте; «вино кометы» – вино 1811 года, когда наблюдали это небесное явление и был собран особо удачный урожай винограда. А вот трюфели вполне могли быть местным продуктом, их выращивали и в России.

XVII

Еще бокалов жажда просит
Залить горячий жир котлет,
Но звон брегета им доносит,
Что новый начался балет.
Театра злой законодатель,
Непостоянный обожатель
Очаровательных актрис,
Почетный гражданин кулис,
Онегин полетел к театру,
Где каждый, вольностью дыша,
Готов охлопать *entrechat*,
Обшикать Федру, Клеопатру,
Моину вызвать (для того,
Чтоб только слышали его).

Прыжок в классическом
балете с ударами ноги о ногу.

XVIII

Волшебный край! там в стары годы,
Сатиры смелый властелин,
Блистал Фонвизин, друг свободы,
И переимчивый Княжнин;
Там Озеров невольны дани
Народных слез, рукоплесканий
С молодой Семеновой делил;
Там наш Катенин воскресил
Корнеля гений величавый;
Там вывел колкий Шаховской
Своих комедий шумный рой,
Там и Дидло венчался славой,
Там, там под сению кулис
Младые дни мои неслись.

Строфы XVIII и XIX являются лирическими отступлениями автора. Онегин устремился в театр, и автор использует этот эпизод, чтобы поделиться своим мнением и впечатлением о театре. Сюжетная линия героя замедляется (прием ретардации), на первый план выходит личность рассказчика. Лирические отступления как композиционный прием делают повествование красочным и объемным.

XIX

Мои богини! что вы? где вы?
Внемлите мой печальный глас:
Всё те же ль вы? другие ль девы,
Сменив, не заменили вас?
Услышу ль вновь я ваши хоры?
Узрю ли русской Терпсихоры
Душой исполненный полет?
Иль взор унылый не найдет
Знакомых лиц на сцене скучной,
И, устремив на чуждый свет
Разочарованный лорнет,
Веселья зритель равнодушный,
Безмолвно буду я зевать
И о былом вспоминать?

XX

Театр уж полон; ложи блещут;
Партер и кресла – все кипит;
В райке нетерпеливо плещут,
И, взвившись, занавес шумит.
Блистательна, полувоздушна,
Смычку волшебному послушна,

Толпою нимф окружена,
Стоит Истомина; она,
Одной ногой касаясь пола,
Другою медленно кружит,
И вдруг прыжок, и вдруг летит,
Летит, как пух от уст Эола;
То стан совет, то разовьет
И быстрой ножкой ножку бьет.

XXI

Все хлопает. Онегин входит,
Идет меж кресел по ногам,
Двойной лорнет скосясь наводит
На ложи незнакомых дам;
Все ярусы окинул взором,
Всё видел: лицами, убором
Ужасно недоволен он;
С мужчинами со всех сторон
Раскланялся, потом на сцену
В большом рассеянье взглянул,
Отворотился – и зевнул,
И молвил: «Всех пора на смену;
Балеты долго я терпел,
Но и Дидло мне надоел»⁵⁾.

Уже в 1-й главе появляются современники Пушкина: актриса Е. Семёнова, балерина А. Истомина, драматурги А. Шаховской и П. Катенин, балетмейстер Ш. Дидло. На ярмарке невест (XLIX часть) к Татьяне подсел критик Вяземский. А в главе о путешествии Онегина Пушкин упоминает о сонетах Мицкевича, написанных польским поэтом в Тавриде.

XXII

Еще амуры, черти, змеи
На сцене скачут и шумят;
Еще усталые лакеи
На шубах у подъезда спят;
Еще не перестали топтать,
Сморкаться, кашлять, шикать, хлопать;
Еще снаружи и внутри
Везде блистают фонари;
Еще, прозябнув, бьются кони,
Наскуча упряжью своей,
И кучера, вокруг огней,
Бранят господ и бьют в ладони:
А уж Онегин вышел вон;
Домой одеться едет он.

XXIII

Изобразу ль в картине верной
Уединенный кабинет,
Где мод воспитанник примерный
Одет, раздет и вновь одет?
Все, чем для прихоти обильной
Торгует Лондон щепетильный
И по Балтийским волнам
За лес и сало возит нам,
Все, что в Париже вкус голодный,
Полезный промысел избрав,
Изобретает для забав,
Для роскоши, для неги модной, —
Все украшало кабинет
Философа в осьмнадцать лет.

Оглавление

«Евгений Онегин» Александра Сергеевича Пушкина	5
Об Онегине	9
Глава первая	13
Глава вторая.....	44
Глава третья.....	65
Глава четвертая	91
Глава пятая	114
Глава шестая	136
Глава седьмая	159
Глава восьмая.....	186
Примечания А. С. Пушкина к «Евгению Онегину»	217
Отрывки из путешествия Онегина (Глава девятая).....	223
Десятая глава	233

